

и несправедливы, раздражены леностью и малодушием, ненасытны в своем корыстолюбии, согбенны от пьянства, отвратительны от разврата и мерзости, воры, похитители, убийцы, люди крови, предатели, не умеющие повиноваться ни своим родителям, ни своим старшим, без всяких привязанностей, без удержки, без всякого чувства сострадания, наконец, говоря словами пророка: «Проклятия, ложь, убийства, грабительства и прелюбодеяние наводнили этот народ, и кровь пала на кровь» (Ос., IV, 2). А потому и ад запахнулся широко; он приготовил помещения для всех преступлений и пороков и умножил свои нападения в бесконечность. Помыслы этих нечестивых людей были злобы во всякое время и извратили все пути на земле; всякая добродетель и всякое благочестие исчезли в такой степени, благодетельность до того застывала все более и более, и между человеческими сынами встречали так мало веры на земле, что с трудом можно было найти кого-нибудь, кто отличал мирское от священного и чистое от нечистого. Все были увлечены в пропасть и хаос; в них не было ничего святого с головы до ног, и каков был народ, таков был и священник.

И действительно, если начать с Господней святая святых, в то время, когда почти весь мир своими жертвоприношениями, приношениями и различными дарами сделался данником прелатов церкви и людей, живущих в орденах, пастыри «сами паслись», собирая шерсть и молоко овец, не заботясь ни сколько о душах и подавая, напротив, своим подданным пример вероломства; эти откормленные кравы на горах Самарии перешли от бедности Христа к богатству, от его смирения к гордости, от его унижения к тщеславию; они растолстели последием Распятого, они обогатились и начали величаться, а между тем Господь сказал Петру: «Паси овцы моя», и мы нигде не видим, чтобы он сказал: «Стриги овцы моя». Таким образом, отыскивая своего, а не того, чего требует Иисус Христос, они сделались слепыми поводьями слепых и немыми псами, не умеющими лаять. Имея вход во святые святых для молитвы и ключ к познанию, они, однако, ни сами не входили туда и не по-

зволяли того желающим: жалким образом страдая от проказы Несмановой (Царств., IV, 5, 27), они сами устраивали повсюду по церквам скамьи продающих голубей и столы мновников, и могли сказать вместе с Иудой-предателем: «Что вы дадите мне, если я вам предаю его?» Таким образом, все любили подарки и искали одной выгоды; отнимали ключи у Симона Петра, чтобы передать их Симону Волхву, предаваясь чрезвычайной роскоши, разжирев в постыдной праздности, они пользовались «не только крохами, падающими со стола господина», но даже целыми хлебами и вкуснейшими яствами, чтобы тем откармливать щенков, которых они имели от своих презренных наложниц и которые были презренны еще более этих последних.

Когда регулируемое духовенство, заразившись ядом богатства, вознеслось чрезмерно и приобрело огромные владения, презирая своих старших, разрывая узы, соединявшие его с ними, и откинув эти узы далеко в сторону, оно сделалось неудобным для церкви и для прочего духовенства; ревнуя друг друга и обнося себя взаимно, к великому соблазну всего христианства, оно скоро перешло к публичной брани, открытой вражде и почти к схваткам, насилиям и борьбе не только на словах, но иногда даже на деле. Начав свое Вавилонское столпотворение и отделившись друг от друга в смешении языков, оно не только распалось между собой, но, образовав партии, сеяло раздор между другими. Конечно, большое число среди духовенства, питая лучшие намерения и состоя из людей справедливых и богобоязненных, соблюдало спасительные правила и святые учреждения своего ордена, насколько то было возможно среди вихря; подобно зерну в куче плевел и лилии между тернием, но, будучи исполнено унижения, проникнуто и уязвлено до глубины сердца сильнейшей печалью, не позволяло себе ходить на совет нечестивых, не останавливалось на пути грешников и не восседало на зачумленных ложах. Но нечестие злых и злонамеренных одерживало верх, и их неправда была обильна до того, что часто они не боялись допускать к божественному служению тех, на которых их прелаты наложжили запрещение и